

СЛЕДУЯ ЗАВЕТУ П.А. РАСТОРГУЕВА... (ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОВОРА ОДНОЙ ПОЛЕССКОЙ ДЕРЕВНИ)

С.А. Королевич

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»,
Брест, Республика Беларусь

Известно, что профессор П.А. Расторгуев уделял огромное внимание говорам провинции. Еще в 1918 г. в Москве, впервые читая лекции по белорусскому языку в Белорусском народном университете, на заключительных занятиях он обратился к присутствующим с просьбой «... относиться с большим вниманием к говору той местности, где придется жить или бывать, и записывать его, не упуская и малейших его особенностей» [7, с. 251]. С тех пор минуло почти столетие, но завет автора известного «Словаря народных говоров Западной Брянщины» не утратил актуальности. В наше время как в России, так и в Беларуси судьба деревень, особенно маленьких, драматична: они уходят в небытие. Вместе с ними постепенно исчезают самобытные местные говоры – часть национального языкового богатства славян. Сохранение этих говоров – наша важная задача.

Еще не будучи знакомой с работами П.А. Расторгуева, я стала его единомышленницей, когда поняла, что моя родная деревня тоже может исчезнуть, что уже почти не осталось мудрых и наблюдательных, веселых и остроумных ее коренных обитателей. А значит, и ее необычный говор, формировавшийся на протяжении не одного столетия, тоже обречен на исчезновение. С тех пор у меня в компьютере появилась папка с названием «Вёска», где хранятся записи и статьи об истории и языке моей родной деревни.

Деревня наша, Вулька Лавская, расположена на юге Брестской области на границе Пинского и Ивацевичского районов. Селение было небольшим изначально, потому что находилось среди лесов, далеко от широких дорог и большой воды. В

лучшие времена здесь насчитывалось немногим более трехсот жителей, но сейчас их число не достигает и полусотни.

История Вульки Лавской необычна, потому что ее судьба складывалась «на перекрестке времен и культур». Деревня возникла как независимое селение, о чем говорит топоним *Вулька* – польская форма *Wólka* от общеславянского *воля*. Этимологически название *Вулька* сближается с топонимом *Слобода* (*Слободка*), и оба топонима, как отмечают исследователи, фиксируют состояние частичной или полной свободы населенного пункта от всевозможных повинностей (Слободы при этом находятся в восточной или центральной части Беларуси, а Вульки – на западных территориях) [2, с. 30]. Согласно местным преданиям, Вулька была основана на землях, подаренных, вместе с дворянским (шляхетским) званием, за верную службу одним из крупных белорусских магнатов его эконому Марцинкевичу. Марцинкевич и стал основателем деревни. Чтобы отличить нашу *Вульку* от других Вулек, которых на Брестчине сейчас насчитывается около двух десятков [6, с. 31–32], к названию добавили определение *Лавская*, очевидно, по той причине, что с трех сторон деревню широкой лавой окружали леса. Косвенно эта гипотеза подтверждается преданием о происхождении Вульки: старожилы подчеркивали, что эконому предлагалось несколько мест на выбор, но первого Марцинкевича привлекли именно могучие леса (даже я еще помню Старину – мрачный старый бор, что в середине прошлого века стеной стоял на восток от деревни; кстати, деревня, расположенная за этим лесом, именуется Заборовцы).

Жителей Вульки назывались *воленцами* (*воленец*, *воленка*). На моей памяти это были представители трех поколений рода Марцинкевичей, а также семей, породнившихся с ними (Линкевичи, Ивинские, Лесневские). Основатели деревни (Марцинкевичи) и Линкевичи исповедовали православие, их новые родственники (Ивинские, Лесневские) были католиками и идентифицировали себя как поляков.

Всех коренных обитателей Вульки еще в 60–70-ые годы XX века именовали *пане волене*, правда, обычно с иронией. Однако некогда это было исторически обусловленное название, потому что в состав Вульки прежде всего входила шляхетская околица. Это, в частности, подтверждается в книге мемуаров польского

филолога А. Обрембской, из рода Полховских, которая там же поместила записки своего отца, Г. Полховского, поселившегося на хуторе рядом с Вулькой в 1919 году. Г. Полховский писал: «*Moje osiedle położone było jeden kilometr od wsi Wólka Ławska. Wieś tę zamieszkiwała szlachta. Było tam około trzydziestu domów. Mieszkali tam Marcinkiewiczowie, Leśniewscy, Telatyccy, Stojakowie, Iwińscy, Lienkiewiczowie. Przeciętnie posiadali po osiem hektarów ziemi, łącznie z lasami. Było to środowisko kulturalne, z tradycjami szlacheckimi*» [3, с. 71]. Описывая быт того времени, старожилы рассказывали, что до самой войны в деревне были деревянные тротуары с поручнями, в домах стояла городская мебель (например, комоды) и городские чугунные ванны; работала начальная школа. Воленки в праздничные дни прогуливались в шляпах с вуалью, а мужская часть населения – в белых перчатках. В свободное время развлекались под музыку деревенского квартета, где звучала скрипка, кларнет, аккордеон и труба; нередко в деревню приезжали гости из Варшавы. Кстати, рядом с деревней была построена узкоколейная железная дорога.

Вместе с тем, уже с конца XIX века на Вульке были и крестьянские усадьбы (38 дворов) [4, с. 576]. И местные крестьяне, и жители окрестных селений вплоть до воссоединения Западной и Восточной Беларуси могли пройти через центральную часть деревни только сняв шапку (этого требовали специальные плакаты, что висели на щитах в обоих концах исконной деревни).

Когда в Западную Беларусь пришла советская власть, многие из жителей Вульки и окрестных хуторов выехали в Польшу или же были принудительно высланы в Сибирь. Например, семью Полховских, в которой были маленькие дети и даже младенец, накануне войны, 20 июня 1941 года, вывезли в Сибирь, на реку Обь. В рассекреченных архивах НКВД есть также сведения о жительнице нашей деревни Ольге Юхневич, которая 1940 году вместе с дочкой Данутой семи лет была сослана в Архангельскую область на спецпоселение [5].

Во время Отечественной войны Вулька Лавская за сотрудничество с партизанами была почти полностью сожжена (уцелело только 4 из довоенных усадеб) [4, с. 576]. Но уже в военное время здесь появлялись новые жители – беженцы из России. После войны деревня прирастала постоянно, потому что во

время уничтожения хуторов и создания колхозов к исконным жителям присоединились бывшие хуторяне и переселенцы из других деревень, на происхождение которых обычно указывают их прозвища (*Чуховэц* – из д. Чухово, *Гутэнка* – из д. Гута, *Шпановчанка* – из д. Шпановки, *Заборовчуха* – из д. Заборовцы, *Валищэнка* – из д. Валище, *Рычканка* – из д. Речки и т.п.). Однако коренные воленцы отстраивали свои дома на старых пепелищах, сохраняли определенную обособленность и к новым поселенцам относились со снисходительным пренебрежением. Заселенный старожилами конец деревни чуть ли не до конца 80-х именовался *Панством* и считался привилегированным. Даже в начале XXI века брак между потомком бывших шляхтичей Марцинкевичей и внучкой «хлопа» Кибака бурно обсуждался местными старушками как мезальянс. Сейчас это деление деревни забыто, потому что в связи с начавшимся в 70-е годы массовым выездом молодёжи в окрестные города деревня стала разрушаться. И если в лучшие времена здесь жило более 300 человек, то сейчас их только 46.

История деревни обуславливает, несомненно, и самобытность ее говора: исконно это был говор дифференцированный – «шляхетский», преимущественно польский, и «мужицкий»; позже в воленском говоре ассимилировались и особенности речи людей из других местностей. Диалектологи относили наш говор к группе севернологишинских из переходных среднебрестских диалектов [1, с. 11]. Однако это утверждение является справедливым лишь по отношению к современному состоянию говора: в нем сейчас действительно преобладают черты, свойственные говорам севернологишинской группы, потому что из коренных жителей остались единицы. Анализ языковых явлений разных уровней местного говора д. Вулька Лавская последних 50 лет свидетельствует об исконной уникальности этого говора, потому что он был отмечен наличием вариантов в произношении, дублетностью грамматических форм, богатой синонимикой в лексике, необычной фразеологией, нетипичным ономастиком по причине сохранения в нем специфических признаков речи коренных жителей, проявления одновременных напластований в лексике и фразеологии и отражения специфики социокультурных обстоятельств в ономастиконе.

Среди фонетических черт говора деревни Вулька Лавская есть характеристики, общие для всех носителей, при этом совпадающие со звуковыми особенностями белорусского литературного языка. Например, в закрытом слоге звуки [в] и [л] (в формах прошедшего времени и в бывших сочетаниях *tɫt) переходят в билабиальный [ʋ]: *во[ʋ]к, до[ʋ]го, сказа[ʋ], наби[ʋ]*; отличаются фонемы [ы], [и], при этом [и] выступает обычно на месте [ê] ("Ѣ"): *д[ы]м, д[и]ло; м[ы], м[ираў]*; шипящие всегда твердые: *[ч]ыя, [ч]эсно, [шч]эня*; регулярна твердоэрозность: *ца[р]ыца, к[р]ычыць, де[рэ]за*; отмечено фонетическое удлинение согласных на месте сочетаний с [j], возникших после утраты редуцированных: *сви[нн']я, го[лл']е, вэси[лл']е*. Есть в говоре и общие диалектные характеристики, например, оканье, т. е. сохранение безударных [о], [а]: *лет[о], высок[о], п[о]трав[а], хут[о]р, д[о]рог[а]*; еканье, при котором в первом предударном слоге звуки [о], [а], [е] совпадают в звуке [е]: *с[е]стра, в[е]сна, с[е]ло, до дев[е]ті, в[е]зала*; отсутствие дзеканья-цеканья: *[т']яжко, у[т']юг, [д']ежка, од[д']ячы[ў]* (исключения единичны: *[ц']ю[ц']ик, ко[ц']еня, кип[ц']юр, бэ[ц']ик*).

На общем фоне отчетливо проявляются отличия между исконным компонентом говора Вульки Лавской и более поздним, который сформировался в результате разных миграционных влияний и движений. В вокализме это разные рефлексы безударного [о] (как этимологического, так и восходящего к редуцированному [ɔ]) в новом закрытом слоге. Потомки основателей деревни здесь произносили два варианта звуков: открытый лабиализованный [o] перед мягким согласным (*спок[о]йны, шк[о]льны, кор[о]ль*) либо закрытый [ô] или дифтонг [yo] (*вôўк, дв[yo]р, пор[yo]г*). В речи остальных жителей, как правило, выступает только второй вариант: *спок[yo]йны, дв[yo]р, ст[yo]л, пор[yo]г, брат[yoў], шк[yo]льны*. На месте [е], восходящего к древнему [ê] ("Ѣ"), в речи старожилов отмечен закрытый нелабиализованный звук переднего ряда средне-верхнего подъёма [ê]: (*л[ê]с, н[ê]ч, св[ê]т, на ноз[ê], на стол[ê], см[ê]л[ê]йша*, а в речи иных жителей – звук [и], сближающий наш говор с украинским языком: *л[и]с, н[и]ч, св[и]т, на ноз[и], на стол[и], см[ы]л[и]йша*). В консонантизме примечательны различия в произношении бывших полумягких [д], [т], [б], [п], [в], [м], [л], [н], [з], [с]: речи коренных

обитателей деревни свойственно их мягкое произношение перед гласными переднего ряда: [м']иска, [д']у[в']и[л']иса, [н']и[т']и, пры[б']и[т']и, [з']има, [н']е[м']еу. В речи переселенцев вторично смягченным соответствуют твердые согласные, как в украинском языке: [м]ыска, [д]ы[в]ы[л]ыса, [н]ы[т]ы, пры[б]ы[т]ы, [з]ыма, ні[м]эу), что сопровождается регулярной заменой этимологического [и] звуком [ы]. К другим фонетическим отличиям можно отнести сохранение в речи коренных воленцев звука [ф] в заимствованных словах (**фунт**, **Стефан**, у **куфры**, **форсити**) и специфические рефлексы в речи приезжих жителей (**хунт**, **Стэпан**, у **кухры**, **хворсуха**). Не было в исконном говоре и протезы согласных перед лабиализованными [у], [о]: *ухо, улочка, ораті, очы, онуча, она*, в то время как сейчас большинство жителей говорит: *вухо, вулочка, гораты, вочы* або *гочы, гануча, вона* и т. п. Старожилы чисто произносили и мягкие губные [м'], [п'], [в'], но в речи другой части воленцев (теперь их нередко называют вульковцами) после губных последовательно имеет место эпентеза [j]: [м']асо – [mj']асо ([мн'асо]), *вы[м']е – вы[mj]е, [п']ята – [pj]ята, [в']ажэ – [vj]ажэ, во[в']юрка – во[vj]юрка.*

В целом на фонетическом уровне отличительные характеристики исконного «субстратного» говора проявляются непоследовательно и постепенно утрачиваются.

На морфологическом уровне разница во флексиях, как правило, является следствием вариантности произношения, сравним: *на столе* и *на столи*; *на вод* и *на вод*; *по росе* и *по роси*; *цукерк[оў]* – *цукерк[уоў]*, *бліні[оў]* – *бліні[уоў]*; *у стар[ой]*, *на колхозн[ой]* и *у стар[уй]*, *на колхозн[уй]*; *жати* – *жаты*, *косити* – *косыты*.

В наибольшей мере специфика говора выступает на лексическом уровне, который отличается богатством состава и выразительностью смыслов. Особенно интересна в говоре бытовая лексика, в которой можно выделить: 1) названия одежды и ее деталей (*бавэт* ‘деталь одежды’, *блюзка* ‘кофточка’, *ватуўка* ‘ватник’, *галька* ‘нижняя женская сорочка’, *есёнка* ‘демисезонное пальто’, *кошуля* ‘нижняя сорочка’, *кошулька* ‘майка’, *пасок* ‘ремень’, *станик* ‘бюстгалтер’, а также ‘детская жилетка, к которой прикреплялись чулочки’); 2) обозначения продуктов питания (*боханка*, *затирка*, *квашэльна* ‘холодец, студень’, *луста* ‘ломоть’, *люкер* ‘сахарная глазурь’, *надзиванне* ‘блюдо из мяса и субпродуктов’, *подгерляна* ‘салтисон’, *тэгрэц*

‘блюдо из тертого картофеля, пшена, лука и мяса’, *хрусты* ‘печенье, жаренное во фритюре’, *цымес* ‘блюдо еврейской кухни из моркови, мяса, изюма и чернослива’); 3) номинации домашней утвари и посуды (*ваненка* ‘ванна’, *ражка* ‘деревянная ёмкость для грязной воды, помоев и т.п.’, *цэбрык* ‘кадушка с крышкой’, *медница* ‘медный таз для варки варенья’, *оттягачка* ‘металлическая высокая банка для отделения сливок от молока’, *саятырка* ‘салатница’, *ходники* ‘половики’, *жэлязко* ‘утюг’, *грошуўка* ‘большая игла’, *валок*, *качалок* ‘приспособления для разглаживания белья’); мебели и ее частей (*лужско* ‘кровать’, *стулок* ‘низенькая скамеечка’, *прыстулок* ‘выдвижной ящик’); белья (*обрусок*, *настурльник* ‘скатерть’, *простирадло* ‘простыня’, *бэцик* ‘конверт для младенца’), хозяйственного инвентаря (*сечкарня*); 4) названия хозяйственных построек (*бокувка* ‘боковая комната’, *вышки* ‘чердак в сарае’, *гора* ‘чердак в доме’, *клуня* ‘гумно’, *лёшок* ‘погреб’, *шупка* ‘помещение для дров’, *фуртка* ‘калитка’) и их частей (*кроквина*, *пацыят*, *столя*); печек и их деталей (*грубка*, *коминок*, *лежанка*, *купка*, *люхта*, *чэрон*). Отмечены также интересные названия некоторых растений (*конодроз* ‘пролески’, *лохачы* ‘голубика’, *райка* ‘сорт яблони’, *сосанка* ‘сон-трава’, *флянсы* ‘саженцы’), детских игр (*выбиваны*, *пигель*, *цурка*, *штандэр*) и др.

Не менее разнообразна субстантивная оценочная лексика. В ее содержании могут быть зафиксированы народные представления о физическом несовершенстве человека: *здохля*, *здэхля* ‘тощий, болезненный’; *чыкильда* ‘хромой человек’; *великдура* ‘слишком высокий и глупый’; *курдупель*, *шмакодявка* ‘низкорослый; слепендя, слепэнджа ‘подслеповатый’, *глушман* ‘глуховатый’ и др. Характеризуя несоответствующий внешний вид, воленцы называли неопрятного человека *нехлюя*, женщину в слишком короткой юбке – *дрында*. Существовали и названия, связанные с оценкой интеллектуальных способностей: глупый – *доўбешка*; незадачливый – *недорэнда*, *недорайда*, невнимательный, растерянный – *тетера*, нерешительный, безвольный – *м’яло*. Однако чаще всего отмечены характеристики поведения лица: кокетливый – *ломака*, зазнайка – *хвалько*; неуступчивый – *поперэка*; крикливый – *крыкса*; плаксивый – *мазя*; негодяй – *гицэль*. Замечено, что в воленской эмотивной

лексике преобладает интеллектуальная оценка, что типично для менталитета полешуков.

В семантике диалектного слова рассматриваемого говора часто может выступать и признак «повышенной выразительности» – экспрессивность. Чаще всего такой компонент значения имеет глагольная лексика: *обезвечыти* – ‘покалечить’; *жлуктити* – ‘пить воду (или водку) в большом количестве’; *покошкати* – ‘постирать лишь бы как’; *конозицца* ‘капризничать (о ребенке)’. В говоре Вульки Лавской самобытных глаголов, не отмеченных в нормативных лексикографических справочниках, много. Это глаголы со значением речи (*рэмзати* ‘ворчать, выражая неудовольствие’, *торочыти* ‘безостановочно говорить’, *мутити* ‘лгать’); мысли (*росшолопати* ‘понять’, *дотумкати* ‘додуматься’, *мэрговати* ‘обдумывать решение’); физического состояния (*схромитиса* ‘упасть и покалечиться’, *заклякнути* ‘замёрзнуть’); движения (*брохати* ‘идти по воде’, *клишати* ‘идти хромяя’); эмоционального состояния (*накопузитиса* ‘обидеться’, *унурытиса* ‘замкнуться в себе’); поведения (*збыдковати* ‘обижать кого-либо’, *смыкатиса* ‘бездельничая, бесцельно бродить’, *циковати* ‘подглядывать’, *кублятиса* ‘устраиваться, выбирать удобное положение’) и др. Фиксируются очень ёмкие в смысловом плане экспрессивные номинации действий: *выжлуктати* ‘выпить’, *увальцовати* ‘съесть (много и быстро)’. Глаголы могут функционировать как полисеманты, например: *спаразати* – это и ‘сильно ударить по спине’, и обозначение состояния при радикулите (*мене спаразало*); *бзиковати* – ‘убегать от оводов (о животных) и ‘раздражаться’ (о человеке); *заклякнути* – ‘замерзнуть’ и ‘утратить подвижность из-за неудобной позы’. Интересно, что они возникают и в результате речетворчества жителей деревни. Один из ярких примеров такого речетворчества – слово *стыщыти*, в форме и значении которого выразительно прослеживается связь с лексемой *тыща* (тысяча): буквально глагол прочитывается как ‘заиметь столько тысяч, чтобы купить что-то недостижимое, но нужное’, а образован он префиксально-суффиксальным способом (*с+тыщ+ы-ти*). Аналогично возник глагол *просудомитиса*, обычно включаемый в формулу проклёна (*Щоб ты просудомиўса!*) или употребляемый со значением ‘пропасть,

задержаться не неоправданно долгий срок? (*Де ты просудоміўса?*). В его структуре выступает слово библейского происхождения *Содом* (*судом*) – название города, исчезнувшего вследствие божьей кары.

Анализ лексики позволяет заметить в воленском диалекте ряд признаков, типичных для говоров польского происхождения. Эти признаки выступают, во-первых, в виде лексических полонизмов (*долегати, енчыти, дзюрка, цурка, есёнка, камизэлька, ковадло, простирадло, пэстка* ‘плодовая косточка’, *сосанка, подгерляна, клепка, гицель, фундовати, кульбака*,) или иноязычных слов, пришедших через польское посредничество (*люхта, штандэр, пацыят*); во-вторых, в специфическом произношении звуков, в частности [у] (в польском языке «ó kreskovane») на месте ударного [о] в закрытом слоге (*горудчык, грошуўка, настульнік, облямуўка, фуртка* и др.); в-третьих, в наличии словообразовательных элементов, типичных для польского языка (например, суффикс –ок (*сподок, стулок, лёшок, обрусок, видёлок* ‘вилка’, *прыстулок*), и, наконец, в специфичной акцентуации многих слов (*медніца, ходніки, учытэлька, неспóкуй* – ударение на втором от конца слоге). Очевидно, исконные жители, «пане волене», предпочитали использовать польский язык как язык «культурный», тогда как речь новых переселенцев несла на себе типичные приметы местной крестьянской речи, белорусской по происхождению, но по фонетическому оформлению существенно сближавшейся с пограничными украинскими диалектами.

Функционирование лексем разной этимологии обуславливает наличие в анализируемом говоре лексической дублетности и богатой синонимии, например: *магазин – крама – лаўка; затирка – полиўка; луста – скибка; пасок – папруга; обрус – настульник; стулок – услончык; фуртка – двэрцы; сосанки – сончыки; студня – колодец; куфэр – скрыня; постилка – радюжка* и др. Глаголы чаще образуют ряды семантико-стилистических синонимов, потому что одновременно называют и характеризуют действия: *кошкатиса – кублятиса – шэбурышытыса* ‘устраиваться поудобней’, *расшалопаты – дотумкати – дотэлэвыты* ‘с трудом понять’; *(не) опрэндовати – (не) оболити* ‘постоянно завидовать чужому успеху’.

На уровне фразеологии самобытность воленского говора создается за счет сохранения устойчивых оборотов разного времени и неодинаковой этимологии. Оригинальные изречения пришли из разных социальных групп давних времен. Они могли отражать наблюдения над природными явлениями (*У марцы померзнуть и старцы; Прыйшоў марэц – поморозиў палец; Прыйшоў вербич – кожных тэрбич* (о неустойчивости весенней погоды); *Трэшчы не трэшчы, а ўжэ минули водохрышчы* (выражение веры в приход настоящей весны). К старинным фраземам стоит отнести и фаталистические поговорки о беззащитности стариков (*На покляклэ дерэво и козы скачуть*), о предельности человеческого существования (*Як не крути, а трэба ўмерти; шчоб люди не умерали, то б небо подпирали*). Но воленцы знали и оптимистические изречения, вроде: *Плакаў, плакаў – буг однакоў; стаў скакати – стаў буг помогати*.

Пословицы и поговорки представляли оценочные стереотипы (*На коўбасу очы напасу, а хлеба наимса*), закрепляли жизненные принципы обитателей деревни (*Хто дбае, той и мае*); выступали ориентиром поведения в определенной ситуации (*Не подмажэш – не поедеш*) и др. В некоторых изречениях отразились иронические и даже язвительные оценки бытовых ситуаций, связанных с повседневными занятиями воленцев: *Наша Сёра (Сора) то шые, то порэ* (про неумелую швею); *И шыты й белиты и заўтра възликдэнь* (про чрезмерно занятую хозяйку, у которой накопилось много дел); *Бяло не бяло, абы воду видзяло* (про плохое качество стирки); *Ни села, ни пала, а ўжэ грошы пошчытала* (про преждевременные подсчеты возможных доходов); *Як не понос, то золотуха* (про бесконечные проблемы). Человек также мог выступать объектом ироничной социальной оценки, например: *Бали да гули ў лапти обули; Видно пана по халявах*. Наконец, многие выражения использовались как экспрессивные единицы: *Капорэ его беры* ‘не стоит внимания’; *Йди к монахам* ‘отстань’ и т. п.

Своеобразно характеризует специфику воленского говора местный ономастикон. Имена старожилов, как мужские, так и женские, несли на себе приметы польской культуры. *Базё* (Василий), *Вацё* (Вацлав), *Владэк* (Владимир), *Янчык* (Иван), *Домцё* (Доминик), *Казё* (Казимир), *Паўцё* (Павел), *Стахо* (Станислав)

и др.— имена преимущественно католические или имеют формальные приметы польского языка. То же можно сказать и о женских антропонимах: *Алина, Лёля, Софа, Тэся, Рэня, Фэля, Эма, Янка*. С другой стороны, новые жители именовались типично по-полесски: *Ясько, Василько, Грыша, Жэнё, Маня, Ганя, Гандзя, Вина, Гэля*. Беженцы со Смоленщины до старости сохранили специфические формы именования с пренебрежительным суффиксом: *Танька, Панька, Нинка, Мишка, Ванька* («на Вульке» имя *Иван*, например, выступало в вариантах *Ясь, Ясько, Янко, Янчык*, а формы типа *Нинка, Ленка, Сашка, Сережка* использовались по отношению к детям как показатель «невзрослости»).

Уникальность воленского говора, как видим, обусловлена рядом внеязыковых и внутриязыковых факторов. Среди них и социальное происхождение основателей деревни, и вкрапления говоров польского происхождения, вероятно подляшских, и природные условия, и способ хозяйствования, и социальные катаклизмы, и контакты с иными языками, и собственное речетворчество жителей деревни. Говор не только интересен сам по себе, но еще и сохраняет обширную и ценную информацию об истории и культуре нашей деревни, о ее наблюдательных и мудрых обитателях, об их поведении и взаимоотношениях.

Литература

1. Клімчук ,Ф. Д. Гаворкі заходняга Палесся: Фанетычны нарыс / Ф.Д. Клімчук. – Мінск: Навука і тэхніка 1983. – 128с.
2. Лыч, Л.М. Назвы зямлі беларускай / Л.М. Лыч. – Мінск: Універсітэцкае, 1994. – 125 с.
3. Obrębska A. Nad Pina, Obem, Wartą i Wisłą / A:Obrębska, G. Połchowski. – Warszawa : BEL Studio, 2007. – 500 s.
4. Памяць: Гістарычна-дакументальная хроніка Пінскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 624 с.
5. Польские спецпереселенцы в Архангельской области : Списки жертв. – [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : lists.memo.ru/d38/f248.htm. – Дата доступа : 18.03.13.
6. Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці /Я.Н. Рапановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 176 с.
7. Расторгуев, П.А. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии / П.А. Расторгуев // Курс белорусоведения: лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. – М., 1918 – 1920. – С. 185 – 257.

